

УДК 94 (470+571) "18"

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.7>

Е. В. Кузнецова

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ УЖЕСТОЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Автор статьи исследует как российская политика на Северном Кавказе в первые десятилетия XIX в. постепенно ужесточалась, и силовые акции становились главным аргументом во взаимоотношениях с местными народами. Объяснялось это разочарованием в способности горцев соблюсти достигнутые мирные договорённости и отказаться от набегов, направленных против российских подданных. Автор полагает, что изменение геополитической ситуации после присоединения Грузии к России заставляло ускорить процесс распространения на горские сообщества правовой системы империи, что вызвало ожесточённое сопротивление не желавших отречься от своих традиций туземцев. В свою очередь царская администрация была не склонна дальше затягивать неопределённый статус новых подданных, формально считавшихся такими же подвластными государю людьми, как и остальные жители России. Ситуация обострялась конфессиональной конфронтацией, которая позволяла идеологически обосновать враждебность противостоящей стороны её иными религиозными предпочтениями. Предполагалось с помощью армии разгромить силы сопротивления и, установив блокаду,

вынудить горцев прекратить вооружённую борьбу. Сторонниками таких методов были весьма яркие и талантливые генералы П.Д. Цицианов, А.П. Ермолов. Они осуществляли вторжения вглубь горских территорий, строили линию крепостей, с помощью которых пытались пресечь нападения отрядов противника на российские поселения. Но, как показал опыт, ожидаемого результата достичь не удалось. Горские общества всё больше консолидировались и совместно пытались противодействовать имперским властям как угрозе своему образу жизни. Имеющиеся силы и средства оказались явно недостаточными, чтобы подчинить себе общества, привычные к военным тяготам и умевшие стойко обходиться минимумом материальных благ.

Ключевые слова: Империя, горцы, набеги, политика, традиции, присяги, дипломатия.

Для цитирования: Кузнецова Е. В. К вопросу о причинах ужесточения политики российской империи на Северном Кавказе в первой трети XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 224–229. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.7

Ekaterina V. Kuznetsova

ON THE REASONS OF TIGHTENING THE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NORTH CAUCASUS IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY

The author researches Russian policy in the North Caucasus in the first decades of the 19th century, and how it gradually became tougher, and violent actions became the main argument in relations with local peoples. It was explained by disappointment in the ability of the highlanders to comply with the peace agreements reached and to abandon raids directed against Russian subjects. The author supposes the change in the geopolitical situation after the annexation of Georgia to Russia forced to accelerate the process of spreading the legal system of the empire to the mountain communities, which caused fierce resistance from the natives who did not want to renounce their traditions. In turn, the tsarist administration was not inclined to further delay the indefinite status of new subjects, who were formally considered the same people subject to the sovereign, like the rest of the inhabitants of Russia. The situation was aggravated by confessional confrontation, which made it possible to ideologically substantiate the hostility of the opposing side by its other religious preferences. It was supposed to crush the resistance forces with the help of the army and, by establishing a blockade, force the

highlanders to stop the armed struggle. The supporters of such methods were very bright and talented generals P.D. Tsitsianov, A.P. Ermolov. They carried out incursions deep into mountain territories, built a line of fortresses, with the help of which they tried to stop the attacks of enemy units on Russian settlements. But, as experience has shown, it was not possible to achieve the expected result. Mountain societies increasingly consolidated and jointly tried to oppose the imperial authorities as a threat to their way of life. The available forces and means were clearly insufficient to subjugate societies that were accustomed to military hardships and knew how to steadfastly manage with a minimum of material wealth.

Key words: Empire, highlanders, raids, politics, traditions, oaths, diplomacy.

For citation: Kuznetsova E.V. On the reasons of tightening the policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the first third of the XIX century // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 224–229. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.7

Политика России на Северном Кавказе, особенность выстраиваемого диалога между центром и периферией не может рассматриваться

как нечто неизменное и не подверженное трансформациям. По мере освоения региона, имперские власти не раз вынуждены были корректи-

ровать свои шаги по отношению к народам здесь проживающим. В этой связи вызывает интерес первая треть XIX в., когда наметились явные тенденции на ужесточение используемых способов воздействия на противоположную сторону. Представляется уместным в качестве научной гипотезы выделить этот этап, как имеющий особую логику развития, делающим его важным переходным периодом, обусловившим серьёзный кризис в русско-горских отношениях.

По мере тесного соприкосновения с горскими обществами российские власти убеждаются, что их призывы к мирному сосуществованию в том виде, как на это привыкли смотреть в империи, не дают ожидаемого результата. Новые подданные оказались невосприимчивы к попыткам повлиять на их сложившийся уклад и мировоззренческие стереотипы, присущие традиционному миропорядку. Даже сведя в первое время воздействие на горцев к минимуму, Россия не добилась от них ожидаемых уступок. Камнем преткновения стали горские набеги, игравшие заметную роль в социально-экономических и культурных традициях местных народов [12, с. 86 – 93]. Именно этот раздражитель, как представляется, стал одним из основных побудительных мотивов, которые вынуждали власти прибегать к самым разным инструментам воздействия на горскую среду.

Учитывая, что в первой половине XIX в. Петербургу пришлось доказывать своё право на владение Кавказом в противоборстве с сопредельными государствами и выдерживать натиск «горского мира», весьма болезненно отреагировавшего на попытки помешать им заниматься привычным набегами промыслом, применяемые методы были в значительной степени brutальными, основанными на вооружённом подавлении оппонента. Это, впрочем, не исключало и других способов диалога с местными народами, которые применялись имперской администрацией, как только представлялась такая возможность. Для того чтобы преодолеть горскую локальную обособленность с присущей ей иммунностью к новациям, следовало гибко воздействовать на неё всеми доступными методами, что и пыталась воплотить в жизнь российская сторона.

Далеко не сразу власти осознали всю сложность решения вопроса по умиротворению народов, живущих на северном склоне горного хребта. Первое время основной интерес вызывало Закавказье, с которым связывали получение политических и экономических дивидендов [1, с. 145–149]. Примечательно в этом отношении мнение В.А. Зубова, совершившего свой знаменитый Персидский поход в самом конце царствования Екатерины II. Он считался человеком, разбиравшимся в местных реалиях, и консультировал императора Александра I о целях и задачах России в её новых владениях: «всё внимание...

главнейшее должно быть обращено на устройство Грузии и на распространение полно возможно её пределов» [7, с. 30].

Между тем к началу XIX в. империя достаточно прочно закрепилась в Предкавказье и получила опыт взаимодействия преимущественно с равнинными народами, более открытыми для диалога по сравнению с их горскими соседями. Но и в этом случае становилось понятным, что найти в их разрозненной и политически аморфной среде партнёра для переговоров крайне трудно. Местные владельцы весьма ревниво следили за успехами друг друга и не могли гарантировать лояльность даже тех обществ, которые они представляли. Присяги на верность то и дело нарушались, а призвать к ответу виновного было крайне затруднительно. Горцы видели в набегах не преступление, а проявление доблести и не собирались выдавать российским властям участников «хищничества». Именно таким термином чаще всего обозначали в официальных документах случаи нападений и грабежей, совершаемых на Кавказской линии.

Благодаря устойчивому спросу на «живой товар», т.е. рабов, которые отправлялись на турецкие рынки, захват пленников оставался одним из наиболее выгодных промыслов, позволявшим местным удалцам не только заслужит авторитет в глазах соплеменников, но и поправить своё материальное положение. Мириться с подобным явлением российская администрация не могла и пыталась бороться с ним как увещеваниями, так и с помощью насилия. Анализ выдвигаемых горским обществам требований говорит о том, что со стороны империи долгое время выдвигались одни и те же пункты, связанные с запретом на захват людей и выдачу уже содержащихся в неволе подданных России. Порой они были сформулированы в весьма резких выражениях, чем отличались, к примеру, прокламации «проконсула Кавказа» генерала А.П. Ермолова.

Так, в обращении к чеченцам он угрожал тем обществам, через земли которых «будут проведены пленные или прогнаны лошади и скот, селения обязаны доставлять оных и представлять начальству без всяких отговорок. За учинённое убийство в границах российских обязаны селения тотчас изгонять убийц и товарищей их в злодеянии с их семействами. В случае упорства, аманаты содержатся будут под строгим арестом, а если и затем не оказано будет послушания, аманаты отправлены будут в Россию, и селение будет виновным» [4, с. 283].

Мы видим, что главнокомандующий первоначально пытался с помощью ультимативной дипломатии решить возникшую проблему, но, как показывает его опыт пребывания на Кавказе, в большинстве случаев такие меры не приносили ожидаемого результата. А потому на смену

словом приходили военные способы давления на местные народы, что неминуемо заканчивалось очередным обострением в русско-северокавказских отношениях. Более того, часть горцев переставала восприниматься как подданные государя и их начинали преследовать как исключительно враждебную силу, поставленную вне закона. Так, генерал-лейтенант А.А. Вельяминов разрешил «ингушам делать нападения на деревни непокорных чеченцев и карабулак», что царским командованием признавалось мерой «весьма полезною, ибо подобные хищничества поддерживают взаимные раздоры между горцами и препятствуют им соединено действовать против нас» [13, л. 119 – 119 об.]. Таким образом, дипломатия и военное давление прочно вошли в арсенал кавказской администрации и использовались для оказания давления на горские общества.

Уже император Павел I, который принял решение о присоединении Грузии к России, констатировал, что степень лояльности северокавказских племён весьма условна. Считать их подданными империями было слишком оптимистично, и речь шла скорее о вассалитете, причём весьма своеобразно трактуемом [2, с. 581]. Отсюда и желание минимизировать своё вмешательство в жизнь автохтонных народов, требуя от них лишь отсутствия враждебных замыслов и действий по отношению к подданным государя.

Аналогичного понимания придерживался и его наследник, подтвердивший решение убитого отца о вхождении Картли-Кахетии в состав своей державы. Именно ему пришлось в полной мере столкнуться с тем сопротивлением, какое оказали горские народы попыткам навязать им новый образ жизни, не соответствующий привычному для них мироустройству. Александр I первоначально предпочёл договариваться с местными лидерами, рассчитывая, что они сумеют обеспечить лояльность в своих владениях по отношению к имперскому центру.

Но оказалось, что влияние северокавказских владельцев зиждется на весьма сложных и запутанных традициях. Они не только не являются полноправными владыками, но ещё и яростно конкурируют друг с другом и не считают прегрешением устраивать нападения на таких же подданных русского императора, как и они сами. Наиболее ярко эта проблема была обозначена на переговорах в Георгиевске в декабре 1802 г., где были собраны авторитетные, по мнению имперской администрации, феодальные владельцы, которых предполагалось объединить в конфедерацию под покровительством Петербурга. Власти рассчитывали, что на фоне внешнеполитической угрозы (агрессия Ирана) удастся убедить их забыть о старых обидах и взаимных претензиях. Эта инициатива закончилась крахом, в очередной раз продемонстрировав плохую договороспособность кавказских горцев [8, с. 102].

Ещё сложнее было найти точки соприкосновения с т.н. «вольными» обществами, где уровень феодализации ещё не достиг зрелого состояния и не сформировалась верхушка, готовая взять на себя ответственность за проступки своих соплеменников. Отсюда и весьма ограниченные результаты переговоров, инициируемых имперской администрацией, убеждавшейся в необходимости расширения силовых способов давления на невосприимчивых к убеждению горцев.

Почти сразу на Линии развернулись стычки с отрядами горских удальцов, увидевших в русских поселениях возможность захватить добычу и показать своё молодечество. Если раньше вектор горской экспансии был ориентирован на юг, то теперь у него появилось и северное направление. Эта была привычная практика, которая издавна применялась как элемент социализации юношества, но теперь реакция империи была далеко не той, к какой привыкли местные народы. Последовала череда «репрессалий», как назывались карательные экспедиции, предназначенные для наказания обществ, откуда приходили такие группы набегчиков. Они отличались большим уроном, который приходилось теперь нести за приобретенные трофеи.

Учитывая архаичный характер горских социумов, власти применяли против них принцип коллективной ответственности – за поступки отдельных «хищников» расплачивались зачастую неповинные в конкретном происшествии люди. Это приводило к озлоблению и усилению враждебности между местными племенами и российской властью, которая также в глазах горцев выглядела неким коллективным неприятелем. По мере усиления исламской идеологии, мобилизованной для нужд войны, мир для них превращался в двупольярную конструкцию, когда с одной стороны были свои – правоверные, а с другой враги – гауры.

Военно-политические акции российского командования подробно описывались в кавказоведении уже до революции. И в дальнейшем эта тематика была популярной среди исследователей. Нет нужды повторять широко известные факты. Представляется перспективным сделать обобщение, которое позволяет наглядно выявить те способы воздействия на горский мир, которые практиковали те или иные представители российского командования. Выбор инструментария определялся совокупностью внутренних и внешних факторов, с которым приходилось считаться кавказской администрации. Как правило, если угроза внешней войны ослабевала, этим старались воспользоваться для скорейшего «умиротворения» беспокойных племён, и следовала череда наступательных операций, заканчивавшихся разорением и бегством горцев с обжитых мест.

В первой трети XIX столетия такие способы предпочитали П. Д. Цицианов и А. П. Ермолов. Первый оказался в тени второго, но в немалой

степени использовал опыт своего предшественника [11, с. 338]. Они выбрали подчёркнуто брутальный способ общения с горцами и даже, как представляется, бравировали этим. Делалось это для того, чтобы в условиях серьёзной нехватки реальных воинских сил не доводить ситуацию до их применения. Пожалуй, лучше всего это замысел выразил А. П. Ермолов, который заявлял, что его имя будет стеречь границы, но для этого «в здешнем краю и добро делать надобно с насилем» [5, с. 56].

Он считал, что любые уступки будут только провоцировать горцев на новые нападения, о чём поведал своему товарищу М.С. Воронцову, будущему наместнику этого края: «Упрекал ему великодушием и доверчивостью к горским народам, которые понятия не имеют о добродетели и всегда во зло употребляли кротость его, толкуя, что она происходит от слабости и недостатка средств наших» [5, с. 59]. В данном случае речь шла о генерале И.П. Дельпоццо, который в результате был «принуждён поступать решительнее», что соответствовало избранной самим А. П. Ермоловым тактике.

При этом эти российские военачальники не делали насилие самоцелью. Они пытались разорвать в сути конфликта и разрешали его теми методами, которые считали наиболее эффективными в конкретной ситуации. Исследователи отмечают эту черту у П. Д. Цицианова, который не спешил обрушиться с карами на заподозренных в грабежах горцах только на основании того факта, что пострадавшими выступали профессионально близкие ему люди [11, с. 330 – 331].

Надо отметить, что и сами горцы нередко демонстрировали готовность искать компромисс лишь после того, как в отношении них было проявлено насилие. Они научились мастерски вести переговоры в той ситуации, когда считали для себя это выгодным. При этом, если одни общества и их предводители завлекали русских пустыми обещаниями, другие в это время активизировали свои набеги, пользуясь тем, что внимание командования отвлечено на дипломатию. Это подрывало веру в эффективность мирных вариантов взаимодействия с горцами, давало дополнительные аргументы сторонникам силовых способов решения проблемы [3, с. 1018].

После того как Россия выиграла нелёгкую войну против Наполеона, она стала сильнейшей державой, определявшей ситуацию в Европе. Фактически были развязаны руки для активизации южного направления во внешней политике. И здесь первоочередной задачей становилось быстрое умиротворение Кавказа, что заставляло Петербург делать ставку на обещавшие скорого результата методы. Неслучайно сюда был отправлен А. П. Ермолов, считавшийся человеком решительным и способным добиваться поставленной цели в кратчайшие сроки.

План генерала сводился к активизации наступления российской армии на горские селения, расположенные в плоскостной части региона. Здесь производилась большая часть продовольствия, которое шло на удовлетворение нужд не только равнинного населения, но и их горских соседей. Данный замысел был опробован в Чечне и выразился в переносе линии укреплений с реки Терек на Сунжу. Краеугольным камнем новой границы была крепость Грозная, ставшая сильнейшим форпостом российского присутствия в этих местах [9, с. 23]. Благодаря изменившемуся очертанию цепи фортификаций, набеги отрядов горских удалцов сделались затруднительными и их эффективность снизилась. Кроме того, командование активно прибегало к репрессалиям, стремясь не допускать безнаказанных грабежей в своих пределах. Потери, понесённые в результате таких акций, превосходили стоимость добычи, что делало «хищнический» промысел нерентабельным, а то и вовсе разорительным.

Доходило до откровенно кровавых эксцессов, как, например, разорение селения Дада-юрт, в котором погибло множество некомбатантов. Его жители отказались покинуть свои дома и попытались отбиться от русского отряда. Чтобы создать устрашающий прецедент, командование решило действовать крайне жёстко и уничтожить тех, кто не сложил оружие.

В мемуарах самого А. П. Ермолова об этом говорилось следующее: «Чеченцы не послушали предложения, защищались с ожесточением. Двор каждый почти окружён был высоким забором, и надлежало каждый штурмовать. Многие из жителей, когда врывались солдаты в дома, умерщвляли жён своих в глазах их, дабы во власть их не доставались. Многие из женщин бросались на солдат с кинжалами» [6, с. 338]. В дальнейшем горцы старались больше не рисковать своими семьями и имуществом, предпочитали покинуть селение заранее и скрыться в недоступных местах. Кровавый урок продемонстрировал всю иллюзорность надежд уйти от неприятеля даже в горно-лесистой местности, разрушал привычный изолированный мир, насильственно взламываемый волей имперской власти.

Оборотной стороной такого метода воздействия стала эскалация насилия, захлестнувшая Кавказ. Став катализатором социокультурных трансформаций в местных обществах, империя неминуемо должна была испытать на себе тот колоссальный военный потенциал, который обрушили на неё народы, не желавшие менять привычный и казавшийся наиболее соответствующим их ценностным ориентирам мир. Неслучайно, что уже при А.П. Ермолове Россия сталкивается с разрастанием протестного движения,

в котором с помощью религиозных лозунгов происходит консолидация разрозненных племён, у которых начинает формироваться эффективный механизм по борьбе с общим неприятелем. Выделяются лидеры, за которыми готовы идти не только их сородичи, но даже представители от других северокавказских этносов [10, с. 86–93].

Смена одного командующего другим уже не может остановить этот процесс. На фоне успешных внешних войн, когда давние соперники России один за другим вынуждены отказываться от своих притязаний на Кавказ, противостояние с горцами не только не затухает, но даже набирает обороты. Громивший персов И.И. Паскевич оказался совершенно неспособным справиться с «неприятными народами», а его предложение перейти к глухой обороне и не провоцировать их набеги только усложняет ситуацию.

В дальнейшем российское командование балансировало между «мирными» и «военными» способами повлиять на непонятное ему сообщество народов, которые были невосприимчивы как к угрозам и наказаниям, так и к ненасильственным аргументам имперской стороны. Первые они стойко переносили и старались на удар ответить ударом, вторые вообще воспринимали как слабость и лишь усиливали свой набеговый натиск. С каждым годом эффективность вооружённого сопротивления только возрастала, заставляя не только увеличивать численность армии в регионе, но и расширять полномочия местного начальства.

Представляется, что в рассматриваемый период российская администрация окончательно избавляется от иллюзии относительно минимизации своего воздействия на горские народы Кавказа. Обращают на себя внимания те обязательства, которые давали империи в своих присягах местные общества [4, с. 255, 258 – 262 и др.]. Всё обычно сводилось к заверениям не участвовать в нападениях на российское пограничье и обещаниям сохранить верность престолу в случае внешней угрозы. За это горцам гарантировалось невмешательство в их жизненный уклад и всевозможные хозяйственные преференции. Но убедившись в слабой договороспособности местных племён, царская администрация начинает действовать с позиции силы, постепенно переходя от ситуативных репрессалий (П.Д. Цицианов), к системному вторжению вглубь горских территорий. Наиболее ярко это проявилось в замыслах и действиях А.П. Ермолова, который приступил к планомерной блокаде «немирных» оппонентов. Окончательно был взят курс на превалирование военно-политических методов «усмирения непокорных», которые, в свою очередь, не собирались поступаться привычным мироустройством. Пространство для дипломатического компромисса в такой ситуации неминуемо сократилось, тем более, что Петербург разочаровался в дееспособности подобных методов. Всё это и обусловило ужесточение российской политике в регионе в первые десятилетия XIX в., которые стали переломными в российско-северокавказских отношениях.

Список литературы

1. Авалов З. Д. Присоединение Грузии к России. Комментарии Г. А. Анакидзе и Б. П. Миловидова. СПб.: ЗАО «Журнал “Звезда”», 2009. 264 с.
2. Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею / под ред. А. П. Берже. Т. I. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. 816 с.
3. Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею / под ред. А. П. Берже. Т. II. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.
4. Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках / под общей ред. доктора юридических наук Г.Л. Бондаревского и кандидата юридических наук Г.Н. Колбая. М.: Издательство «НОРМА», 1998. 672 с.
5. Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816 – 1860. СПб.: ООО «Журнал «Звезда», 2014. 832 с.
6. Записки А. П. Ермолова. 1798–1826 гг. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Федорова. М.: Высш. шк., 1991. 463 с.
7. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. 720 с.
8. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 328 с.
9. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816 – 1827) / под редакцией и с послесловием В. Б. Виноградова. Эссен: Эссен, 1999. 135 с.
10. Колосов Л.Н. Славный Бейбулат. Историко-биографический очерк. Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1991. 177 с.
11. Лапин В. В. Цицианов. М.: Молодая гвардия, 2011. 542 с.
12. Покорённый Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. Издание А. А. Каспари. СПб., 1904. Москва: Изд. Надыршин, 2010. 544 с.
13. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.846. Оп.16. Д.6261.

References

1. Avalov Z. D. Prisoedinenie Gruzii k Rossii (Accession of Georgia to Russia) / comments by G. A. Anakidze and B. P. Milovidova. St.Petersburg: ЗАО «ZHurnal “Zvezda”», 2009. 264 p. (In Russian).
2. Akty sobrannye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissieyu (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission) / ed by A. P. Berzhe. Vol. I. Tiflis, 1866. 816 p. (In Russian).

3. Akty sobrannyye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissieyu (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission) / ed by A. P. Berzhe. Vol. II. Tiflis, 1868. 1238 p. (In Russian).
4. Dokumental'naya istoriya obrazovaniya mnogonatsional'nogo gosudarstva Rossijskogo. V chetyryoh knigah. Kniga pervaya. Rossiya i Severnyj Kavkaz v XVI-XIX vekah (Documentary history of the formation of the multinational Russian state. In four books. Book one. Russia and the North Caucasus in the 16th-19th centuries). Moscow: NORMA, 1998. 672 p. (In Russian).
5. Ermolov A. P. Kavkazskie pis'ma. 1816–1860 (Caucasian letters. 1816–1860). St.Petersburg: Zhurnal «Zvezda», 2014. 832 p. (In Russian).
6. Zapiski A. P. Ermolova. 1798-1826 gg. (Notes of A. P. Ermolov. 1798-1826) / compiler V. A. Fedorov. Moscow: Vysshaya shkola, 1991. 463 p. (In Russian).
7. Kavkaz i Rossijskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vv. (Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusions and reality. Early 19th – early 20th centuries). St.Petersburg: Zhurnal «Zvezda», 2005. 720 p. (In Russian).
8. Kinyapina N. S., Blied M. M., Degoev V. V. Kavkaz i Srednyaya Aziya vo vneshnej politike Rossii (vtoraya polovina XVIII – 80-e gody XIX v.) (Caucasus and Central Asia in Russia's foreign policy (second half of the 18th – 80s of the 19th century). Moscow: MSU publ., 1984. 328 p. (In Russian).
9. Klychnikov Yu. Yu. Deyatel'nost' A.P. Ermolova na Severnom Kavkaze (1816-1827) (Activity of A.P. Ermolov in the North Caucasus (1816–1827) / ed by V.B. Vinogradov. Essentuki, 1999. 135 p. (In Russian).
10. Kolosov L. N. Slavnyj Bejbulat. Istoriko-biograficheskij ocherk (Glorious Beibulat. Historical and biographical sketch). Groznyj: Kniga, 1991. 177 p. (In Russian).
11. Lapin V. V. Cicianov (Tsitsianov). Moscow: Molodaya gvardiya, 2011. 542 p. (In Russian).
12. Pokoryonnyj Kavkaz. Ocherki istoricheskogo proshlogo i sovremennogo polozheniya Kavkaza (The conquered Caucasus. Essays on the historical past and the current situation in the Caucasus). Moscow: Nadyrshin's publishing house, 2010. 544 p. (In Russian).
13. Russian State Military Historical Archive. F.846. Inv.16. D.6261. (In Russian).

Сведения об авторе

Кузнецова Екатерина Викторовна – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения Пятигорского государственного университета / april-86@mail.ru
Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the author

Kuznetsova Ekaterina V. – Post-graduate student, Chair of Historical, Social and Philosophic Subjects, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / april-86@mail.ru
The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.